

ВСТРЕЧИ

Соединение генерал-майора Мартиросяна, вклинившись в оборону превосходящих сил противника, заблокировало от фланговых ударов левое крыло наступающих советских войск. Тогда немцы сгруппировали кулак танков и мотопехоты и бросили их на часть подполковника Алеяна. Противник преследовал цель быстро уничтожить полк и, прорвавшись к шоссе, успеть до подхода подкреплений окружить соединение Мартиросяна.

Начались бои, в которых день казался ночью, а ночь сравнима с огромным фейерверком. Дым и гарь, пропитавшие воздух, то и дело прорезались огненными пунктирами свара. Дов «катюш». Стоял неумолчный гул, и казалось, стонала сама земля.

Чуть прищурив глаза от едкого дыма копилки, генерал низко склонился над картой и одной рукой поглаживал короткие, смолисто-черные усы, а другой ловко водил измерителем, уточняя путь, отделяющий его от наступающих частей.

Молчание прервал радист, особенно молодежато доложивший: — Товарищ генерал! На радию генерал-полковник Чибясов.

Командующий армией отлично знал положение соединения Мартиросяна и что оно ведет тяжелые, неравные бои. Спросив о силе контратакующего противника, он приказал не отдавать магистрали. Командующий армией приказал также ни при каком условии не отходить и дожидаться главных сил.

Стоять на смерть! — таков был приказ. С твердым намерением выполнить его, генерал вошел в связь с подполковником Алеяном. Командир полка все понял. Он просил генерала только об одном: в случае своей гибели передать родной Армении, что сын ее не посрамил честь офицера Красной Армии. Генерал приказал Алеяну

без надобности не рисковать жизнью и, положив трубку, быстро зашагал по землянке.

О чем он думал в эту минуту? Быть может вспоминал о том, как десять месяцев тому назад адъютант одного из его генералов, снятый последним с должности «за неумелое выполнение служебных обязанностей», — младший лейтенант Алеян прибыл к нему и доложил:

— Товарищ генерал-майор! Снятый с должности за плохую службу адъютантом, младший лейтенант Алеян прибыл к Вам на воспитание!

Он действительно получил его, и путь от младшего лейтенанта до подполковника послужил доказательством этого. И на этот раз немцы не продвинулись ни на шаг, а через день соединение Мартиросяна встретилось с другими соединениями.

***

В то утро бригадный генерал Свобода был особенно взволнован: в приказе Верховного Главнокомандующего сообщалось о выходе войск первого Украинского фронта на государственную границу Чехословакии. Но увы! Стремительный глубокий маневр корпуса генерал-майора Мартиросяна и успешное преследование врага вели его из зоны действия фронта, и они очутившись в направлении движения второго Украинского фронта должны были теперь наступать на Румынию. И им овладели тяжелые думы законной тоски по родной и морщина на его широком несколько квадратном лбу стала извилистой и глубже. И все же искорка надежды светилась в его душе. Не терпенье было столь жгуче, что даже в тот день, когда в тишине надежде найти следы давно пропавшей семьи он подвезжал к бывшему немецкому концлагерю, не было обычного блеска в его глазах, а левая рука не так упорно теребила пряжку портупей. Но через час, быть может

и меньше «виллис» затормозит и генерал Мартиросяна с ирривичным акцентом подшутит: «Ну вот и доехали. Правда это не Чехословакия, но зато дорога на Берлин. Возьмем его, а в Праге гостями будем. Не все ведь суждено нам брать...»

Население Праги приветствует генерала Мартиросяна.

И глядя в синю генерала он еще раз думал:

«Но неужели он не поймет, неужели не разрешат моей бригаде оторваться от корпуса и фронта и участвовать в освобождении родной земли? Вель бысь об заклад, что будь на месте Чехословакии его любимая Армения он поступил бы точно так же!»

«А навстречу все шла и шла широкая лента гудрона, белая лента асфальта, белая лента асфальта...»

***

Через два дня они прощались. Обняв командира и собрата боевой славы генерал Свобода говорил:

— Жду Вас, дорогой мой генерал после победы. Холодное пражское пиво мы выпьем обязательно вместе.

— Вот кончится война тогда и приеду — сказал генерал Мартиросян.

— То будет мой самый счастливый день — послышалось в ответ.

И генерал Свобода уехал.

Вскоре же пришло письмо в котором он писал... «Мы воевали вместе,

как друзья, против общего врага, мы остаемся навсегда лучшими друзьями. Я твердо убежден, что мы встретимся опять, возможно в недалеком будущем, уже в освобожденной моей родине».

***

В точно указанный час генерал Свобода прибыл в штаб фронта и вскоре был принят маршалом Коневым. Маршал, как всегда, тепло встретил генерала и пригласил его есть.

— Я хочу преподнести Вам ценный подарок, сказал маршал, и лицо его озарило многозначительной улыбкой. Он пристально взглянул на генерала, который, готовясь к встрече построил в уме тысячу догадок.

— Я искренне признателен Советскому правительству, Маршалу Сталину и Вам за все то великое, что делается для моей многострадальной родины. Освобождение Чехословакии — подарок, которому нет равных.

— Это подарок наших отважных партизан, — продолжал маршал. Десяток храбрецов вызволил его из лагеря смерти. Подарок этот Вы заслужили.

С этими словами маршал встал и, подойдя к двери отворил ее.

Ошеломленному взору генерала Сво-

боды представились его жена и дочь, о которых он ничего не знал с памятного осеннего вечера 1939 года, когда после разбойничьего прихода немцев в Прагу он уехал сперва в Польшу, затем в Советский Союз, продолжать борьбу.

Был ли это сон?

***

Пал Берлин и соединение генерал-майора Мартиросяна получило новый приказ: участвовать в освобождении Чехословакии. Немецкие части под мощными ударами Красной Армии поспешно бежали на запад и в лютой злобе сжигали города и села.

«Несколько десятков наших бойцов разведывали центральную улицу одного из чешских городов. Немцы сожгли его, и, казалось, здесь не найти ни одной живой души. Каково же было удивление бойцов, когда перед ними словно из под мостовой выросла маленькая девочка с огромным букетом цветов. Засеменя крошечными ножками она бойко приближалась к бойцам. Разведчики, сами того не сознавая, убавили шаг. Девочка же, порывавшись с первым бойцом, преподнесла ему букет и по-взрослому пожала руку. Но этим она не ограничилась. Ее протянутая детская ручка пожала мозолистые руки улыбающихся бойцов».

Боец Петросян, шедший последним, взял ее на руки, обнял и с чувством произнес:

— Ради такого счастья, джанике, я готов повторить весь свой путь, с горного родного Кавказа до ваших мест.

«Младе-Борислав встречал освободителей. Улицы города по которым проходило соединение генерал-майора Мартиросяна, загрозили толпы народа в праздничных национальных костюмах. Бесчисленные букеты живых цветов, всевозможные сласти и закуски, боченки с янтарным вином, капельки которого под лучами весеннего солнца искрились всеми цветами радуги, словно капли слез на тысячах сияющих глаз торжествующего народа, — вот с чем чехи вышли встречать своих освободителей».

***

Те, что шли в первых рядах увидели вдали какое то необычное сооружение. С каждым шагом все ясвенней виднелись его контуры, и уже не трудно было различить огромную арку. Но эту арку нельзя было сравнить ни с одной из тех многочисленных, что соорудили разные народы в разные века в память об исторических событиях. То была арка из живых человеческих тел. На вершине ее, словно символ возрожденной Чехословакии, сидела женщина с грудным ребенком, а по обе стороны книзу от нее переплетались тела мальчиков и девочек, начиная от младенцев и кончая у подножья восемнадцатилетними юношами.

Старинная Прага в тот день ликовала. Площадь перед ратушей и близлежащие к ней улицы не сумели вместить всех тех, кто желал выразить свою благодарность Красной Армии и войску Чехословакии. Все лица были обращены к трибуне, откуда проносил речь министр обороны, генерал Свобода.

В это же время по одной из улиц, ведущих на площадь, подвезжала легковая автомашина. Не въезжая на площадь, машина остановилась, а приехавший, поднялся на трибуну. Его тепло приветствовали руководители чешского правительства во главе с премьер-министром Фирлингером. Вскоре генерал Свобода закончил свою речь и, обернувшись, столкнулся лицом к лицу с приезжим.

Встретились! С вогласом: «О дорогой мой генерал», Свобода обнял Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Мартиросяна. Народ и трибуна в едином порыве сотнями торжественных возгласов и бурей неумолчных аплодисментов приветствовали встречу боевых друзей...»

В тот вечер они долго сидели на веранде особняка, вспоминали минувшие боевые дни и пили холодное пражское пиво. А под ними горела тысячами разноцветных огней ликующая свободная Прага...

Мих. ИГИТХАНИЯ